

Морской спецназ

Сергей Зверев

Предельная глубина

«ЭКСМО»

Зверев С. И.

Предельная глубина / С. И. Зверев — «Эксмо», — (Морской спецназ)

Потомственный военный моряк Илья Макаров ради исполнения приказа готов взять на себя всю полноту ответственности и принять решение, противоречащее инструкциям. Эта самостоятельность раздражает начальство, но в глазах спецслужб ВМФ выглядит, наоборот, редким и полезным качеством. Макарова назначают командиром секретной мини-субмарины, обладающей оружием нового типа. Однако о существовании такой подлодки уже догадываются в разведке США. Чтобы заманить подлодку в ловушку, на Балтике организуются морские учения стран НАТО. Макаров получает задание, и мини-субмарина выходит в море. Начинается большая игра военных флотов и секретных служб, противостояние характеров и воли.

© Зверев С. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Зверев

Предельная глубина

Глава 1

Все счастливые моряки похожи друг на друга, все несчастные служат в атомном подплаве.

Такие мысли нередко посещают офицеров стратегических подводных ракетноносцев, особенно – в автономных плаваниях. Стратегические субмарины, называемые из-за запредельной дороговизны «золотыми рыбками», не выслеживают авианесущие группировки условного противника, не занимаются разведкой, диверсиями и гидрографией. Цель ракетноносцев – нанесение «удара возмездия» в случае внезапной ядерной войны. Шестнадцать баллистических ракет с мегатонными термоядерными зарядами способны разнести в пух и прах что угодно, когда угодно и на каком угодно континенте. Потому боевые дежурства длятся по несколько месяцев в тысячах морских миль от базы. Всплытия редки, как мясо в макаронах по-флотски. Экипаж – семьдесят офицеров и мичманов плюс тридцать матросов – давно уже выучил всю подноготную друг друга: у кого на берегу какие бабы, кто по ночам храпит, кому и что сегодня приснилось...

Атомный ракетноносец «К-513» возвращался с боевого дежурства в Северной Атлантике. Эта автономка наверняка была в его биографии последней: субмарина давно уже выработала плавресурс, и по возвращении ее должны были пустить «на гвозди». Честно говоря, и в этот поход ей не следовало отправляться. Но что поделаешь, если новые атомные субмарины в Российском флоте несложно пересчитать по пальцам. Ракетноносец, построенный еще в советские времена, был латаный-перелатанный; едва ли не большая часть времени боевых дежурств экипажа уходила на ремонт и проверку оборудования.

Сидя на центральном посту, командир «К-513» Илья Георгиевич Макаров мстительно прикидывал, как по возвращении домой он встретится с береговыми инженерами, отправившими отслужившее «железо» в дальний поход, как пригласит их к себе и как грамотно уложит гостей правильными дозами спирта в темпе флотских тостов за море, походы, победы и Андреевский стяг.

Капитан второго ранга Макаров обладал не только монументальной внешностью, но и редкостным умением постоять за родной экипаж: его обветренное лицо, глаза цвета боевого металла и огромные кулаки сообщали любому береговому начальнику моментальное уважение к подплаву. На флоте, где клички присваиваются всем, от салаг и до адмиралов включительно, Макарова именовали уважительно, по-джеклондоновски – Морской Волк.

Старпом, по контрасту, был мал, сух, жилист, носат и зол. С Макаровым он служил уже пятый год и за это время изучил его почти досконально.

– Что, Георгич... «Конец автономке, курс на базу домой...» – напомнил старпом цитату из популярной у подводников песни.

– Ага, «тихо лодку глубины качают, – по размышлении отозвался командир. – Спит девятый отсек, спит десятый жилой, только вахтенный глаз не смыкает». Ты, вообще, заметил, что вся срань у нас обычно происходит в конце автономок?

Это было правдой. Полтора года назад «К-513» также возвращалась на базу и при всплытии на сеанс связи в Норвежском море поймала сигнал бедствия с британского сухогруза: на судне пожар, трюмы затоплены, есть угоревшие и раненые. Естественно, на терпящее бедствие судно тут же послали аварийную партию. Пожар потушили, под пробоину подвели пластырь, раненым оказали медицинскую помощь, взяли под козырек – и на базу. А в штабе Северного флота Макаров получил за это жуткий разнос: мол, скрытность плавания, сознательная демас-

кировка судна, разглашение государственной тайны... И лететь бы командиру «бомбовоза» со службы, если бы спасенные моряки Ее Величества не нагадили руководству Севфлота: по дипломатическим каналам они попросили наградить командира за помощь и даже прислали в Мурманск корреспондента некогда враждебной радиостанции Би-би-си. В свете изменившейся международной обстановки наказывать спасителя было бы идеологически неправильно. Кап-два Макаров почти одновременно получил благодарственную грамоту из британского Адмиралтейства, орден Мужества из Москвы и неполное служебное соответствие от непосредственного североморского начальства. При первом удобном случае его обещали списать на берег. Такие подставы командование не забывает и прощать не умеет.

– Завтра в это время будем на базе, – старпом мечтательно закатил глаза. – Город, земля, цветы на клумбах... И никакого железа вокруг. В небо можешь сколько угодно глазеть. На траве валяться. А магазинов со спиртным – навалом! Пей – не хочу!

– У магазина к вечеру валяться и будешь, – угрюмо улынулся Морской Волк. – Патрулям хоть не попадайся, как в прошлый раз. Надоело вытягивать. Вроде ты мужчина самостоятельный, а дорвешься до выпивки – и всей твоей самостоятельности конец приходит...

Старпом спорить не стал, знал за собой подобный грех. Обычно он «отрывался» лишь в первый день, потом уже придерживался нормы, а потому считал себя почти непьющим.

– И женщины, женщины! Представляешь – прямо на земле стоят и на тебя смотрят! И до любой... дотронуться можно! А потом...

– До базы еще дойти надо, – справедливо напомнил командир. – Конец автономки – самое поганое время. Правило такое есть, эмпирически мною выведено специально для нашего «бомбовоза». Не гадайвай наперед, старпом, примета плохая.

– Дернул же меня черт в подплав пойти, – привычно пожаловался старпом.

– Только не надо про «ошибки молодости» и «военно-морскую романтику». Я так тоже часто думаю. А предложи на берегу какую-нибудь работу – откажусь. Месяц на базе – и опять в море хочется.

– Да сам такой...

– Ради момента возвращения и живем.

Атомная субмарина шла на глубине восьмидесяти метров со скоростью пятнадцать с половиной узлов. Боевая смена несла вахту в обычном режиме. Никаких неприятностей вроде бы не предвиделось...

* * *

Неприятности начались незадолго до утренней побудки. Вахтенный, принимавший доклады из отсеков, сперва не понял, почему командир торпедистов то и дело покашливает. И лишь его слова «кажется, наблюдается незначительное задымление» навели на страшную мысль о пожаре...

Пожар на подлодке, особенно в погруженном положении, куда страшнее, чем на земле, хотя бы потому, что с герметически закупоренного «железа» абсолютно некуда бежать. Или экипаж победит огонь, или огонь моментально выжжет отсеки, и лодка пойдет ко дну. Подплав вообще очень жестокое дело: если в соседнем отсеке разгорается пожар и люди, медленно поджариваясь, молят о спасении, командир не имеет права их выпустить, а, напротив, должен от них наглухо задраить, что бы ни происходило по ту сторону переборки. Иначе огонь перекинется на соседний отсек, выгорят сальники, в переборки хлынет забортная вода, и тогда – конец всему экипажу. Жизненная логика приучила к тому, что лучше потерять часть, чем все сразу: и экипаж, и корабль.

Илья Макаров, разбуженный спустя три минуты после известия о задымлении в БЧ-1, сразу же принял единственно правильное решение: людей немедленно эвакуировать, пере-

борки задраить, перекрыть систему вентиляции, чтобы дым не втянуло в соседние отсеки, запустить химическую систему пожаротушения и немедленно всплыть.

– Продуть балласт. Машина – полные обороты. Всем по местам стоять, всплытие! – командовал он и помчался в носовую часть, натягивая на ходу ПДУ – портативное дыхательное устройство, напоминающее гибрид противогаза и гигантской фляги.

Огромный пологий трап, ведущий от центрального поста к отсекам, командир проскочил в считанные секунды. Пробегая БЧ, он успел выслушать рапорты вахтенного, старшего смены главной энергетической установки и командира пожарного дивизиона.

– Торпеды не на боевом взводе? – лихорадочно прикидывал Морской Волк.

– Нет. Но может случиться всякое, – нервно поморщился старпом. – Неровен час, повыгорает отсек, рванет – мало не покажется...

Со слов вахтенного, пожарный дивизион уже работал в БЧ-1. Переборки, как и положено, были задраены наглухо. Полузадохнувшихся от дыма торпедистов тащили в медсанчасть. Со слов командира отсека, пожар вроде бы начался из-за короткого замыкания в проводке; на старых, отслуживших свой век «бомбовозах» подобное случается нередко.

Командир пожарного дивизиона по внутренней связи доложил, что с возгоранием должны справиться быстро, так что химическую противопожарку запускать пока не стоит.

И когда командир уже почти успокоился, произошло самое страшное... За переборкой рвануло, будто бы рядом по курсу взорвалась глубинная бомба. Корпус завибрировал, стрелки приборов дернулись в конвульсии. Электричество замигало, погасло, однако спустя несколько секунд все же заработало вновь.

Морской Волк сразу все понял. Видимо, кто-то из противопожарников случайно задел клапан ВВД, воздуха высокого давления. Такие устройства предусмотрены во всех отсеках для создания противодавления, если внезапно прорвется забортная вода. Напор сжатого воздуха, словно кислородный баллон, подсоединенный к газовой горелке, раздул пламя. Можно было не сомневаться – пожарный дивизион погиб мгновенно, ведь в торпедном отсеке сейчас полыхало, как в мартеновской печи. Если огонь подберется к торпедам – всей команде можно заказывать панихиду. Последствия гибели атомного «бомбовоза» с баллистическими ракетами и вовсе были непредсказуемы.

Тем временем лодка, набирая скорость, всплыла. Словно кнут, стеганула по ушам сирена, а это означало, что аварийная защита сама отключила парогенераторы. Начальник ГЭУ по межотсечной связи доложил, что реактор только что заглушили и тепловой взрыв теперь исключен. Однако легче от всего этого не стало: в торпедном по-прежнему бушевал пожар. Отключить воздушную магистраль не представлялось возможным – она была разгерметизирована. Счет пошел на секунды. Нужен был доброволец, согласный напаялить термозащитный скафандр и шагнуть в адское пламя, чтобы немедленно отстрелить торпеды из аппаратов...

– Я пойду, – скупомолвил Макаров. – Вы молодые, у вас семьи, а я – один.

– Там давление в пять-шесть атмосфер, – осторожно напомнил старпом. – И температура где-то под триста. Шансы выжить – один из ста. Больше двух, максимум трех минут никто не продержится, даже ты, Георгич...

– Я пойду, – упрямо повторил командир. – Иначе каюк всем. И не только тут, на «железе»... Фреон запустите в отсеки. Ничего, прорвемся. Бывало и хуже.

«Когда?» – хотел спросить старпом, но не стал этого делать.

Он пошел бы и сам, но командир решил, и его решение некому было отменить.

Теперь предстояло срочно эвакуировать людей из второго отсека, задраить переборки между вторым и третьим, запустить химический пламегаситель, и только после этого командир в защитном термоскафандре мог ступить в преисподнюю.

Старпом и вахтенный, перейдя в третий, встали у задраенной переборки и прикипели глазами к часам. Секундная стрелка двигалась издевательски медленно. И лишь когда она пошла на третий круг, лодка сотряслась от торпедного залпа...

* * *

Макаров не помнил, как он оказался на ракетной палубе. Он лежал на спине, глядя в небо, и наглое утреннее солнце, слепившее глаза, невольно напоминало ему о недавнем пожаре. Серые волны ритмично били о борт субмарины. Жемчужная облачная пелена молочно светилась на горизонте. Слева от головы командира чернел покореженный огнем шлем термоскафандра с ошметками гофрированных шлангов.

Первой мыслью было: как я сюда попал? Однако ее тут же заглушила вторая: а почему у родного «железа» небольшой дифферент на нос?

– Товарищ командир, торпедный отсек полузатоplen, – словно угадав его мысль, отпартовал старпом.

– Штурман! – чужим сиплым голосом скомандовал Макаров.

– Так точно!

– Местоположение. Кто на румбе?

– Мы вблизи территориальных вод Норвегии. Полчаса назад передали аварийный сигнал в КП Северного флота. Обещали прислать помощь... Часа через четыре будут, если ничего не произойдет.

Взглянув на рукав своего огнезащитного скафандра, Морской Волк механически отметил, что серебристое покрытие черно от копоти. Сверхпрочная термоткань растрескалась от перегрева, как пересушенная земля. И только теперь командир «бомбовоза» почувствовал чудовищный жар и страшную ломоту во всем теле.

– Метеосводка? – запекшимися губами прошептал командир.

– В ближайшее время волнения не ожидается, можно идти в надводном. К нам направили дизельную подлодку и спасательное судно. Обещали взять на буксир.

И тут откуда-то сверху и сбоку донеслось едва уловимое акустическое колебание, быстро оформившееся во все нарастающий стрекот вертолетного двигателя. Спустя несколько минут над терпящим бедствие «бомбовозом» завис вертолет с опознавательными знаками береговой охраны Норвегии.

Радиосвязь установили быстро: встревоженные норвежцы интересовались, нужна ли помощь.

– Илья Георгиевич, может, вас действительно вертолетом доставить в госпиталь? – предложил вахтенный. – Тут до Нарвика всего ничего...

– Своих дождемся... – на исходе сил прошептал командир и словно провалился в черную бездонную яму...

* * *

ЧП на атомном ракетоносце «К-513» не вызвало такого резонанса, как авария «Курска»: погибших – всего семеро из пожарного дивизиона, лодка спасена и благополучно отбуксирована в Северодвинск, международные журналоги ничего не узнали... Субмарину срочно списали, семьям погибших дали давно обещанные квартиры, а норвежцам вежливо ответили: мол, что вы, никаких аварий не было, обычные плановые учения по восстановлению живучести, спасибо за предложенную помощь. Однако теперь следовало срочно найти и показательно показать виновных. Лучшей же кандидатурой в козлы отпущения, по мнению сухопутных штабных моряков, был командир «К-513» капитан второго ранга Илья Георгиевич Макаров. Ни его

геройство при пожаре, ни грамотные действия, ни почтенный возраст атомохода в расчет не брались: мол, ты командир, тебе за все и отвечать.

Макаров лежал в мурманском госпитале ВМФ, лишь изредка поднимаясь с койки. Врачи обнадеживали: подводник отличался железным здоровьем, и дела его шли на поправку. Старпом, регулярно навещавший командира, с каждым визитом выглядел все мрачнее. Сперва он молчал, когда речь заходила о том, что творилось «наверху», но потом старпома прорвало. В самом деле, сколько можно скрывать от выздоравливающего правду? С его слов выходило, что штаб флота, военная прокуратура и особый отдел буквально соревнуются – кто больше соберет компромата на командира атомного ракетносца. Особенно, рассказал старпом, старался один не в меру дотошный штабист из комиссии по расследованию ЧП.

– Козел он вонючий, – охарактеризовал его старпом и замысловато, по-флотски выругался.

«Козел вонючий» посетил госпитальную палату спустя месяц, когда подводник почти выздоровел. У гостя не было возраста – при желании ему можно было бы дать и двадцать пять, и пятьдесят два. Был он какой-то бесплотный, прозрачный, словно проросшая в подвале картофельная ботва. Особенно поражали огромные, совершенно бесцветные глаза, несоразмерно заметные на мелком лице. Плечи украшали погоны капитана третьего ранга. В колодках значился орден Красной Звезды, и оставалось лишь догадываться, за какие такие заслуги этот сухопутный моряк получил боевую награду.

Даже беглого взгляда на этого кап-три было достаточно, чтобы определить в нем типичного подшакальника – так обычно на флоте называют деятелей, кующих карьеры на берегу.

Представившись, он сунул Морскому Волку казенный подарок от штаба Севфлота – несколько апельсинов и дешевую шоколадку, после чего уселся напротив.

– Итак, – начал он после приличествующих вопросов о здоровье, – наша комиссия хотела бы кое-что прояснить.

– Слушаю, товарищ капитан третьего ранга, – хмуро ответил Макаров, предчувствуя недоброе.

– Вопрос первый: как вы считаете, почему на вверенном вам боевом судне возник пожар?

– Точную причину указать не могу. Видимо, короткое замыкание. Пусть инженеры и следователи в торпедном отсеке разбираются... Если там что-то осталось. Это «железо» обещали еще в позапрошлом году списать. На нем вообще нельзя было выходить в море.

В руках подшакальника появилась папка с серыми листками протокола.

– Так и запишем, – улыбнулся он, и его огромные, как у стрекозы, глаза уставились на собеседника с холодным превосходством. – При-чи-ну наз-вать не мо-гу. А может, пожарный дивизион не знал, что ему делать? Может... они просто оказались необучены?

– Командир дивизиона, земля ему пухом, перед автономкой сдал допуск, и это есть в документах, – невозмутимо ответил Макаров.

– Проверим, это несложно будет сделать.

Морской Волк понимал: для этого хлыща участие в расследовании ЧП – настоящий звездный час. Чем больше гадостей он накопает на подозреваемого, чем суровей он будет в формулировках, тем больше вистов получит от непосредственного начальства за «принципиальность» и «профессиональный подход к делу».

– Тогда следующий вопрос: кто вам дал право отстреливать вблизи территориальных вод государства, члена агрессивного блока НАТО, боевые торпеды? У вас был приказ?

– В БЧ-1 началось внезапное задымление, затем – пожар. Считаете, если бы у норвежских берегов вместе с торпедами рванули все шестнадцать баллистических ракет – это было бы лучше? К тому же торпеды были не на боевом взводе...

– Так и запишем, – с удовольствием процедил капитан третьего ранга. – Стрельбы производилась самовольно, безо всяких санкций командования... Насколько я понимаю, вы даже не соизволили поставить нас в известность перед стрельбами? – на голубом глазу уточнил он.

Макаров молчал. И интонации, и вопросы визитера оправдывали самые худшие опасения. Кавалер ордена Красной Звезды прекрасно понимал, что выполнить все его сегодняшние пожелания Макаров был на горящем ракетоносце не в состоянии. В задачу его входило отыскать нарушения в действиях командира, а не разобраться в истинных причинах. Позиция выигрышная – заставь оправдываться, и человек тут же станет виноватым.

– Следующий вопрос: почему в нарушение всяких инструкций вы произвели всплытие в непосредственной близости от территориальных вод той же Норвегии? Вы понимаете, каким международным скандалом это могло закончиться? Вы понимаете, что могли спровоцировать серьезный международный конфликт?

– Я действовал по инструкции, – парировал командир «К-513», перехватив стиль ведения беседы. – В случае пожара командир как раз и обязан скомандовать немедленное всплытие, после чего сразу же известить КП. Так в чем нарушение?

– Вы процитировали почти правильно. Но так предстоит поступать везде, только не вблизи территориальных вод государства – члена НАТО, – с лучезарной улыбкой сообщил собеседник.

– Товарищ капитан третьего ранга, – обратился Макаров, сдерживаясь из последних сил. – Разрешите вопрос.

– Пожалуйста.

– Вы когда-нибудь в автономке были?

– На флоте у каждого свои функциональные обязанности, – казенно улыбнулся сухопутный моряк. – Мы на берегу, вы – в море. Мы со своими обязанностями справляемся, а вот вы, как я понял, нет. Грамотный командир, а тем более подводник, должен знать все инструкции и всю документацию наизусть... Чтобы все это исполнять. Понятно? – Закатив значительную паузу, он неожиданно скомандовал: – Присяга!

– Что – «присяга»? – не сразу понял Макаров.

– Текст присяги. Наизусть. Можете – сразу, без запинок и без подсказок? Не можете. То-то, – прозвучало с интонациями последнего, убийственного аргумента. – Теперь понятно, почему у вас люди гибнут. Сами и виноваты...

Командир «К-513» посмотрел на собеседника тяжело, исподлобья – тот не выдержал взгляда и отвернулся к стене.

– Жаль, что ты со мной никогда в автономку месяцев эдак на шесть не ходил, – мечтательно прикинул Морской Волк. – Я бы тебе, сукиному сыну, к яйцам шкертиком якорную мину привязал – и за борт. Где-нибудь вблизи территориальных вод государства – члена агрессивного блока НАТО.

В мгновение ока визитер превратился в памятник всем погибшим береговым капитанам. Лицо побледнело, ноздри раздулись, и он, медленно поднявшись, приблизился к Макарову.

– Я требую оградить меня от подобных выражений!

– Я бы тебя, козла, хорошей решеткой от нашего флота оградил! – не выдержал подводник.

– Ты за это ответишь... – зловеще прошипел гость. – Ты хоть знаешь, кто я?..

Но тут на погон его опустилась железной твердости ладонь, и кителек гостя мгновенно стал ему тесен.

– Смирно, младший по званию! – рявкнул Морской Волк так звучно, что стакан с зубной щеткой, стоявший в тумбочке, жалобно звякнул.

Кап-три судорожно сглотнул слюну, но тем не менее повиновался.

– А теперь – пошел на хер отсюда. Повторить, куда идти, или понятно? Ат-твета не слышу!

– Понятно... – штабист отозвался униженным блеянием.

– Товарищ капитан второго ранга!

– Товарищ... капитан второго ранга, – младший по званию испуганно заморгал, и казалось, из его огромных бесцветных глаз сейчас потекут слезы.

– Приказ понятен? Исполнять! Что надо ответить? Ну?

– Есть... – скривленными от обиды губами прошептал гость.

– На месте... Кру-у-угом!.. Шаго-о-ом марш!..

* * *

Морской Волк ни на секунду не пожалел о своем поступке. Ни тогда, ни тем более потом. Подплав вообще приучил его относиться к жизненным неприятностям стоически и по возможности с юмором. Хотя смеяться было особо не над чем... В свете ЧП и беседы с подшакальником лучшим исходом для Макарова стало бы понижение в звании и должности с дальнейшим переводом куда-нибудь в Совгавань, худшим – увольнение из флота с возбуждением уголовного дела. Тем более что униженный и смертельно оскорбленный в лучших чувствах штабист теперь наверняка шуршал по всем инстанциям, как крыса по трюму.

– Зря ты его, Георгич, послал, – оценил старпом во время очередного визита в больницу. – Теперь он тебе жизни не даст.

– Свидетелей все равно не было...

– А таким, как он, свидетели и не нужны. У него дядя – адмирал в Генштабе.

– Я бы на его месте постеснялся такого племянника.

– Не убивать же таких. Знаешь, что этот козел сейчас делает? Кропает бумажки, что ты морально разложил экипаж и что покойные ребята-противопожарники сами виноваты. Мол, с таким командиром...

– Если на погибших волну погнал – ничего и не зря, – Макаров окончательно утвердился в своей правоте.

Паскудный во всех отношениях исход дела был предрешен с той же вероятностью, с какой тонет брошенный в воду топор. От безысходности Илья Георгиевич даже закрутил напоследок роман с медсестрой. Нет, он не польстился на одну из молодых красоток, которых в изобилии развели в госпитале медики в погонах. Те напоминали подиумных моделей, носили сшитые на заказ, облегающие халатики, надевая их преимущественно на голое тело.

На Макарова с первого дня засматривалась тридцатипятилетняя Варвара. Такие вещи он просекал сразу. Она тоже ему понравилась, но Илья Георгиевич, будучи вдовцом, старался не думать о возможности начать новую жизнь и сводил свои контакты с женщинами к редким необязательным встречам. Варвара чаще, чем того требовали ее обязанности, навещалась в палату к капитану второго ранга и, как оказалось, тайком расспрашивала старпома о ходе работы комиссии по расследованию причин ЧП. А потому и оказалась «в курсе». Женщина избрала правильную тактику, чем и подкупила Морского Волка. Она не стала жалеть его – этого бы Илья Георгиевич не вынес. Однажды ночью, когда потерявший сон Макаров вышел в коридор с сигаретой и спичками, она легко поднялась и предложила составить ему компанию.

У открытого окна, когда Илья Георгиевич поднес ей зажженную спичку, Варвара глубоко затянулась, дождалась, пока прикурит мужчина, и невинно поинтересовалась:

– Вы же не курили. Что-то случилось?

– Я бросил курить. А это не одно и то же, – злясь на себя, ответил Макаров. – Жизнь заставила.

– Я тоже бросала. А глядя на вас, меня потянуло.

Морской Волк почувствовал, что ожидаемое облегчение от сигареты не наступило. Дым сделался горьким и отвратительным.

– Давайте не будем, – Варвара переломила только что раскуренную сигарету пополам и опустила ее в жестянку от растворимого кофе.

Макаров сделал так же и плотно закрыл металлическую крышку. Сквозняк мгновенно вытянул на улицу струйки дыма.

– Видите, все, на что тяжело решиться, решается очень просто. Главное – захотеть и сделать.

До утра Макаров просидел рядом с Варварой. Обычно женщины говорят больше мужчин, но медсестра умело разговорила Илью Георгиевича. Ей оставалось только слушать и уточнять. Много в их судьбах оказалось созвучным. Муж Варвары умер от инсульта через год после того, как его списали из подплава на берег. Детей у нее не было, а Макаров потерял сына.

Он и сам не заметил, как уже держал руку Варвары в своих ладонях. Женщина не ждала от него ласковых слов, на которые Морской Волк и не был способен. Он привлекал ее другим: спокойствием, уверенностью в себе.

– Вот увидишь, – сделав над собой усилие, перешла на «ты» женщина, – все будет хорошо. Главное – верить в себя и в свою правоту. Жизнь устроена так, что рано или поздно справедливость побеждает.

– Хотелось бы раньше, а не позже, – пробормотал Илья Георгиевич, поняв, что попал в западню.

Окажись он с Варварой в постели без длинного ночного разговора, можно было бы потом и не вспоминать о встрече, а теперь – чувствовал себя обязанным. А потом они проводили вместе каждое ночное дежурство. Вскоре даже старпом заметил изменение в настроении своего бывшего командира. Илья Георгиевич слушал его вполуха. Новые происки подшакальника его уже мало занимали.

– Вот и правильно, – сделал вывод старпом, поняв, в чем дело, когда в палату заглянула похорошевшая Варвара, – жить надо красиво. Помнишь, о чем мы с тобой, Георгиевич, в конце автономки мечтали? О бабах.

– Это ты о них мечтал.

– Я говорил, – уточнил старпом, – а мечтали мы вместе.

И вот, за день до выписки Морского Волка из госпиталя, произошла неожиданность. Даже многоопытный подводник сперва не понял, приятная она или нет. Сразу после завтрака в палате появился незнакомый кап-лей с нашивками плавсостава, представившийся адъютантом некоего вице-адмирала Столетова Виктора Павловича. О существовании такого адмирала Макаров никогда прежде не слышал. Удивление Морского Волка возросло, когда адъютант, безукоризненно вежливый и подчеркнуто доброжелательный, сообщил, что в настоящее время адмирал Столетов находится на Балтфлоте, на базе под Калининградом, и очень хотел бы встретиться с капитаном второго ранга Макаровым Ильей Георгиевичем.

– Когда я должен быть у товарища адмирала? – спросил подводник, не веря услышанному.

– Сегодня.

– У меня выписка только завтра. И документы в штабе Севфлота не оформлены.

– Мы не формалисты. Бумаги оформят задним числом.

– Но мне надо поставить в известность...

– Уже все давно решено, и все, кому надо, в известность поставлены. Дело срочное.

– Мне надо что-нибудь с собой...

– Никаких документов. Только личные вещи. На сборы – пятнадцать минут. Поторопитесь, Илья Георгиевич. Нас ждет самолет.

Проходя по коридору мимо Варвары, Макаров на секунду остановился.

– Я зайду, когда вернусь, – бросил он женщине.

Адъютант адмирала тактично отвернулся, иначе бы Макаров ни за что не притронулся к руке медсестры.

– Удачи, – прошептала Варвара.

Глава 2

Ослепительно желтое солнце медленно поднималось над Японским морем, окрашивая в пастельные тона громаду ударного авианосца «Китти хоук», флагмана Седьмого флота США. Авианосец, эскортируемый несколькими фрегатами и эсминцами сопровождения, направлялся в Йокосуки – американскую военно-морскую базу к югу от Токио.

Морской бриз был бодрящим и свежим. Звездно-полосатый стяг трещал на ветру. Сигнальные флажки, развешанные по леерам, напоминали пеструю рубашку латиноамериканца. На палубе у самолетов суежилась техническая обслуга. Экипаж паровой катапульты менял тормозные тросы. Палубная команда подкрашивала разметку.

Стоя на мостике, картинно седой мужчина в форме вице-адмирала ВМС США сосредоточенно сосал трубку, и аромат голландского табака неприятно щекотал ноздри его некурящего собеседника – моложавого брюнета в штатском, явно сухопутного экстерьера. Следуя субординации, он, однако, ничем не выказывал неудовольствия. Хотя причин для уныния у него было достаточно и без табачного дыма.

Учения «Солнечный удар», только что завершившиеся неподалеку от территориальных вод Северной Кореи, с треском провалились. И объяснить этот провал рационально никто пока что не мог...

– Итак, мистер Палмер, – пыхнув дымком, молвил адмирал, – еще раз и по порядку. Просто восстанавливаем последовательность событий. Я – моряк, судоводитель, вы – аналитик Пентагона. Я говорю, вы внимательно слушаете, даете оценку и выдвигаете версии. Чем больше – тем лучше. Итак... Сразу после взлета первой эскадрильи палубной авиации на «Китти хоук» моментально отключается вся электроника, отвечающая за взлет и посадку. Большинство реле, предохранителей и всего прочего моментально перегорают. Ваши версии?

– Самая очевидная версия – банальная поломка. Все-таки этот авианосец – груда металлолома, с 1961 года плавает, во вьетнамской войне участвовал. А то, что все вышло из строя одновременно, – случайность, цепная реакция из-за какой-нибудь мелочной поломки. Это, повторяю, лишь самое очевидное и реальное предположение.

– Допустим, поломка. Допустим, авианосец действительно старый. Допустим, массовый выход из строя электроники – действительно случайность и цепная реакция. Но как тогда объяснить, что спустя несколько минут похожие проблемы возникают и на ракетном фрегате «Портсмут», спущенном на воду три года назад? И на эсминцах эскорта, которым нет еще и десяти лет? И даже на некоторых самолетах палубной авиации, находившихся на подлете к авианосцу? Повторяющаяся случайность – это уже тенденция.

– Тогда, сэр, напрашивается другая версия: это не случайность, – аналитик Палмер чихнул и встал так, чтобы клочья табачного дыма не летели на него. – Я говорил с инженерами. По их мнению, причина выхода электроники из строя – неожиданное возникновение сильнейшего электромагнитного поля неизвестного происхождения. Эксперты разводят руками.

– Хорошо, что это были всего лишь учения, а не реальная боевая операция где-нибудь в Персидском заливе...

Трубка погасла. Адмирал прикинул, стоит ли раскурить ее вновь, и, перехватив брезгливый взгляд Палмера, мстительно подумал, что стоит. Вице-адмирал Йорк сразу же невзлюбил этого лощеного технократа, навязанного ему Пентагоном. С момента окончания «Солнечного удара» пошли вторые сутки, а Палмер до сих пор не выдвинул ни единой самостоятельной версии случившегося, что, в свою очередь, наталкивало на мысли о его некомпетентности.

Как и многие чистокровные судоводители, адмирал недолюбливал всех этих аналитиков, экспертов, прогнозистов и прочих военных теоретиков. Они сидели под кондиционерами в своих кабинетах, вальяжно спустив узлы галстуков, и расчерчивали на компьютерах траек-

тории полетов спутников-шпионов над Персидским заливом, полагая, что это и есть основа национальной оборонной доктрины. Окажись такой теоретик в реальных боевых условиях – и его спесь мгновенно уступила бы место беспомощности...

Закурив, адмирал поправил фуражку и привычным взглядом скользнул по боевым самолетам на палубе. Если бы электронщики вовремя не наладили аварийные системы, учения могли бы закончиться и вовсе трагически.

Адмирал Йорк был из того поколения моряков, которые хорошо помнили жуткую катастрофу на авианосце «Форрестол», когда из-за отказа систем электроники на одном-единственном самолете самопроизвольно выпустилась ракета класса «земля – воздух». В результате – сто шестьдесят четыре погибших, шестьдесят раненых, двадцать шесть сгоревших самолетов и убытки в сто сорок миллионов долларов. Не говоря уже об унижении всего американского флота. Не каждый террорист может мечтать о таком размахе...

«Китти хоук» лишь чудом избежал участи «Форрестола». Да и не один «Китти хоук».

Современный флот – это не только подготовленные экипажи, не только палубная авиация, торпеды, ракеты и артиллерия, но и мощные компьютерные «мозги», контролирующие абсолютно все: от систем спутниковой навигации и распознавания «свой-чужой» до работы камбуза и судовых прачечных. Отключение компьютерных систем во время реальных боевых действий на море чревато чудовищной катастрофой, похлеще удачной торпедной атаки или ракетного удара противника.

– Итак, электромагнитное поле, – проскрипел Йорк, неторопливо раскуривая трубку. – Допустим. Что это за поле, какова природа его возникновения, как ему можно противостоять... Ваши версии.

Палмер молчал. По его лицу было очевидно, что он уже знает ответ на вопрос, но по каким-то причинам с ним медлит.

– Может быть, полтергейст? НЛО? Зеленые человечки? – подначил Йорк с плохо скрываемой иронией.

– Я не склонен верить в мистику, – обиженно проговорил Палмер.

– Излагайте, я вас внимательно слушаю... Так во что же вы склонны верить?

– Скорее – в субмарину потенциального противника с некой загадочной аппаратурой, которая и способна вывести из строя любую электронику.

– Уже ближе. Я тоже так думаю... То есть думал, потому что наши гидроакустики не зафиксировали никаких посторонних объектов в районе учений! Ни подводных, ни надводных, ни воздушных. Я уже получил отчеты спутникового и авиационного мониторингов – они также не засекли ничего подозрительного. К тому же о маневрах мы загодя сообщили, как того и требует Морской кодекс, и чужие подлодки вряд ли зашли бы в этот район.

– Вывод один: в районе учений находилась неустановленная субмарина, которая не улавливается сонарами, гидроакустикой и спутниковыми системами слежения.

– Что-то типа подводного «Стелс»?

– Вот именно, сэр.

– И кто, на ваш взгляд, может владеть такой технологией? Китай, Северная Корея? Кто-нибудь... м-м-м... еще?

– Первые – вряд ли. Китайцы только собираются построить серьезный флот. Для этого сперва надо построить серьезные судоверфы, которых в Китае попросту нет. Тем более что военно-морская электроника у них на уровне семидесятых годов. Еще менее я склонен верить в пхеньянский режим. Баллистические «Тепхадоны», которые они создают на основе древних российских «Скадов», высосали из страны все соки. Корейские комми и так народ довели – травку щиплют, как овцы, и с голодухи в Китай табунами бегут...

Прищурившись, адмирал произнес ничего не выражающим тоном:

– А может быть, Россия?

– С русскими мы друзья, – возразил Палмер, но тут же поправился: – Ну, если и не друзья, то хорошие деловые партнеры. Во всяком случае, не враги. Нам незачем делать друг другу гадости. И они, и мы это хорошо понимаем.

– Значит, на выходе получаем следующее. Электромагнитное поле, способное вывести из строя электронику любого современного судна, налицо. Подводная лодка с совершенно фантастическими характеристиками, которую невозможно засечь имеющейся в нашем распоряжении аппаратурой, – на уровне гипотезы. И реальность того, что все наши линкоры, авианосцы и прочие надводные суда можно теперь списать, как груды металлолома. Отсюда – вопрос: что думает по этому поводу Пентагон? Точнее – отдел, который занимается флотской аналитикой?

– Пентагон уже в курсе. Сразу после учений я отослал краткий меморандум. А думаем мы вот что... Через два месяца с половиной на Балтике, в районе Аландов, начинаются морские маневры стран – участниц НАТО. Кодовое название – «Земляничная поляна». Цель – совместная отработка спасательных операций на море, противодействие международным террористам, гуманитарные миссии, эвакуация пострадавшего населения с труднодоступных островов... Короче, как обычно. Мы уже выработали план действий. Так вот, согласно этому плану...

Мистер Палмер был немногословен, сух и деловит – он лишь изложил основные тезисы будущих действий. По мере того как он говорил, адмирал Йорк просветлел лицом. Как ни странно, но план пентагоновских теоретиков ему сразу понравился.

– Если Балтика, если Аланды... Значит, все-таки Россия, а не Китай? – задумчиво уточнил он.

– Больше никому. Мы просчитали. И методом исключения всех возможных кандидатов, и по принципу «кому выгодно».

– Почему вы думаете, что русские на это купятся? Если это действительно они...

– Учения «Солнечный удар» проводились в относительном отдалении от российских территориальных вод. А «Земляничная поляна» пройдут совсем рядом, в какой-то сотне морских миль от Кронштадта. Кстати, у русских там еще несколько баз, в эксклаве Калининградской области. Так что, по нашему общему мнению, если у них действительно появились такие высокотехнологические субмарины... или субмарина, то она обязательно должна хоть как-то себя проявить. Для этого мы показательно, у всех на виду, задействуем наше судно радиоэлектронной разведки. То есть определим для нее цель.

– Предлагаете создать утку-манок? – Идея Палмера нравилась адмиралу все больше и больше.

– Да. К тому же у нас есть очень серьезный специалист по русским системам связи. Вы зря нас недооцениваете, мистер Йорк, – с едва заметным превосходством улыбнулся аналитик. – Надеюсь, «Земляничная поляна» окажется успешней «Солнечного удара».

Солнце входило в зенит. Небольшой ветер покатывал мелкие волны, взбивая барашки бурунов. Изящные чайки пикировали и подхватывали рыбу у белопенного кильватерного следа авианосца. На горизонте прорисовывались зыбкие очертания Иокосуки. Впереди показалась череда мазутно-черных буксиров – без их помощи огромный неповоротливый корабль не сманеврировал бы в бухте.

– Вы меня с этим парнем познакомите? Если, конечно, у вас в Пентагоне сочтут возможным пригласить меня на Аланды.

– Без вас – никуда. Вас предлагают назначить консультантом. А насчет этого парня... Познакомим, конечно. Всему свое время...

* * *

Половину кабинета занимал стол – тяжелый, стильный, красного дерева, затянутый зеленым сукном. Несколько допотопных телефонов, бронзовая чернильница, старомодный сейф и сборчатые шелковые портьеры на окнах косвенно свидетельствовали, что эти начальственные апартаменты наверняка обжиты еще с советских времен. Однако хозяин кабинета явно не вписывался в старомодный антураж. Высокий, с поджарой фигурой стайера и цепким взглядом глубоко посаженных глаз, он напоминал скорее преуспевающего тренера, а не адмирала российского ВМФ.

– Капитан второго ранга Макаров по вашему приказанию.... – привычно отрапортовал Морской Волк, но Столетов только рукой махнул – мол, присаживайтесь, и так вижу, что был.

Подводник осторожно опустился на краешек стула и тут же заметил, что на зеленом сукне лежит его личное дело. Стало быть, момент, как любили выражаться докладчики с трибун, был «судьбоносным», только непонятно, в какую сторону повернется колесо фортуны...

Столетов внимательно посмотрел на гостя, затем пролистал его личное дело и неожиданно улыбнулся. Но понять по улыбке, к добру она или к худу, было невозможно.

– Именно таким я вас и представлял, Илья Георгиевич... Значит, Морской Волк?

– На флоте у каждого клички...

– У меня тоже. Со временем, возможно, узнаете. – Вице-адмирал откинулся на спинку стула и, зафиксировав на лице непроницаемо официальное выражение, продолжил: – Я внимательно изучил ваше личное дело. Тут написано, что вы склонны создавать проблемы. Что вы по этому поводу скажете?

– Иногда действительно приходится и конфликтовать с береговыми командирами... когда несправедливо обижают мой экипаж.

– М-м-м... Допустим. Вам известно, что «К-513» уже выведена из состава военно-морского флота?

– Да.

– Вам известно, что экипаж уже расформирован?

– Да.

– Комиссия по расследованию ЧП признала ваши действия по спасению экипажа в основном правильными... Однако члены комиссии единодушны: впредь они не рекомендуют назначать вас на ракетные стратегические субмарины. И я, товарищ капитан второго ранга, полностью согласен с их выводом. Вы ожидали такого решения?

Морской Волк ничем не выдал эмоций, подобное вообще было не в его правилах. Мол, я человек служивый, если начальство считает, что я недостойн, то так тому и быть. Он согласен, но без энтузиазма кивнул.

Оценив реакцию, адмирал Столетов продолжил тем же официальным тоном:

– Но причины руководят нами разные... Комиссия считает, что подводного стратегического ракетноносца для вас много. А мы считаем, что мало...

Макаров кашлянул.

– Разрешите вопрос, товарищ вице-адмирал?

– Конечно.

– «Мы» – это кто?

– Мы – это одна из структур ГРУ Военно-морского флота Российской Федерации, которой я и руковожу. Называть ее пока не буду. По дороге сюда вы, наверное, задавались вопросом: а что это за адмирал такой Столетов, а почему это я его фамилию прежде ни разу не слышал? Угадал?

– Так точно...

– Вольно, кап-два. Не на плацу. Так вот: мою фамилию вы действительно не могли слышать, равно как и не можете знать, чем мы тут занимаемся. Структуре военно-морской разведки, которую я представляю, реклама не требуется. Но вы нам сразу понравились.

– Но я не на самом лучшем счету у начальства, – осторожно напомнил Макаров.

– Горацио Нельсон тоже конфликтовал с британским адмиралтейством, что не помешало ему выиграть Трафальгар, – улыбнулся адмирал. – Надеюсь, наши с вами Трафальгары еще впереди... А теперь, товарищ капитан второго ранга, непосредственно к делу. Как бы вы отнеслись к предложению принять под командование небольшую подлодку, созданную для проведения специальных операций в любой точке Мирового океана?

– Согласен. Но разве небольшая подлодка действительно может достичь... любой точки Мирового океана? – поинтересовался Морской Волк, сознательно опуская ясные логические звенья о запасе хода, пунктах промежуточного базирования и так далее.

– Естественно, обычная мини-подлодка на такое не способна, – согласился адмирал. – Однако субмарина, которую я имею в виду, способна на многое, – поднявшись из-за стола, он подошел к стене и отдернул штору.

Всю стену занимала огромная карта мира, утыканная красными флажками. Включив световую указку, Столетов направил тонкий лучик в район Японского моря.

– За какое время мини-субмарина в триста тонн подводного водоизмещения могла бы пройти с Балтики к берегам Японии?

– В 1904 году Вторая тихоокеанская эскадра адмирала Рожественского шла от Кронштадта к Цусиме более полугода, – отчеканил образованный Макаров. – Но там было и налаженное снабжение, и плавучие мастерские...

– Это было более ста лет назад, да и эпоха дредноутов давно закончилась... Так вот: в наше время это возможно куда быстрее. Мини-субмарина, которая постоянно базируется тут, на Балтике, грузится в «Антей» – и через сутки она уже во Владике или Посьете. Ну, а оттуда до заданного квадрата Японского моря – не более шести часов хода. Кстати говоря, такую мини-подлодку можно сбрасывать с воздуха непосредственно на воду на специальном парашюте. Практически в любой точке Мирового океана. Прошу вас, Илья Георгиевич, – вице-адмирал сделал приглашающий жест.

Небольшая дверца, замаскированная дубовой панелью, плавно отъехала назад. Из проема потянуло сыростью кладбищенского склепа. Адмирал повернул рубильник, и в желтом электрическом свете подземного хода хаотично заплясали пылинки.

– Когда-то тут была база немецких подводных лодок, самая большая в Восточной Пруссии, – прокомментировал Столетов. – Вот немцы и построили это подземелье: от адмиральского кабинета прямо к морю. К нам оно перешло по наследству.

Длинный подземный ход выводил в небольшой, прекрасно оборудованный сухой док. Изящная мини-субмарина сразу же привлекла внимание Морского Волка. Опытный подводник, он тут же определил, что надводное водоизмещение ее – не более трехсот тонн и что горизонтальные и вертикальные рули на заостренной корме делают ее необычайно маневренной. Но особо поражала форма подлодки: очертаниями она напоминала небольшого кита, только с зализанной боевой рубкой на спине. Даже рули стабилизации – и те напоминали плавники. Это было настоящее произведение искусства.

Макаров знал, что еще во времена СССР флот получил две каботажные мини-субмарины класса «Пиранья», позже списанные из-за непомерной дороговизны в обслуживании. Однако эта подлодка совершенно не походила на них, разве что размерами...

– Пока это судно существует только в единственном экземпляре, – пояснил Столетов. – И от того, как она покажет себя в действии, зависит будущее серии. Нравится?

Морской Волк молчал. Конечно, субмарина не шла ни в какое сравнение с «К-513» – ни по вооружению, ни по возможностям. Да и экипажа тут могло быть не более тридцати человек.

Правильно оценив его молчание, адмирал улыбнулся:

– Не спешите разочаровываться. Возможности ее ничем не уступают вашему бывшему «бомбовозу». А в некоторых случаях она способна на большее. Корпус титановый, прочней не бывает, максимальная глубина погружения – до полутора километров, а это значит, что она неуязвима для любых глубинных бомб. Абсолютно бесшумна, не засекается никакой гидроакустикой. А главное – специальное покрытие делает ее совершенно невидимой для сонаров. Куда там «Стелсам»! Обратите внимание, какой гладкий корпус. В надводном положении для экипажа предусмотрена даже специальная обувь с липкой подошвой.

– Запас хода? – задумчиво прикинул Макаров.

– Практически неограничен. Если, конечно, иногда всплывать. Предусмотрены несколько вариантов зарядки аккумуляторов: основной – каталитическая батарея, или солнечные батареи, или энергия волн. Субмарина абсолютно экологичная. Гринпис был бы в восторге! Если бы, конечно, узнал...

– А если мертвый штиль и погода пасмурная?

– Тогда можно заправиться с обычного танкера. Как истребитель от летающего топливозаправщика.

– Скорость?

– Надводная – пятнадцать с половиной узлов, подводная – двадцать четыре.

– Вооружение? – Морской Волк с сомнением оценил небольшую зенитную пушечку на носу.

– Кроме этого орудия и двух торпедных аппаратов, – любезно продолжил Столетов, – предусмотрена мощнейшая система электронных помех. Это и есть ее главное оружие. В подробности вдаваться не буду, объясню вкратце: выдвижная телескопическая антенна создает направленное электромагнитное поле, которое способно вывести из строя любую судовую и авиационную электронику на расстоянии до двадцати морских миль. Оптимальный радиус действия – десять миль. В наше технологическое время это куда эффективней торпед, мин, ракет, глубинных бомб и всего остального. Такая подлодка в считанные секунды способна превратить самый современный авианосец в бесполезную грудку металлолома. Кстати, субмарина уже прошла боевое крещение...

– Во время учений «Солнечный удар»? – Как и многие флотские, Макаров живо интересовался всем, что происходит на морях и океанах, и, естественно, знал о маневрах американских ВМС. Сопоставив эту информацию со словами «Японское море» и отрывочной информацией о неполадках на «Китти хоук», он сразу же понял, о каком боевом крещении идет речь.

– Мне нравится ваша догадливость. Конечно, по существующим международным нормам мы не можем мешать проведению военно-морских учений в нейтральных водах. Однако уникальные возможности субмарины позволяют ей действовать как анонимному каперу... Подчеркиваю – оставаясь полностью невидимой.

– Значит, у новой субмарины уже есть экипаж и... командир? – В голосе Морского Волка сквозило легкое уныние: эта подлодка нравилась ему все больше и больше.

– Экипаж – есть. А вот командира пока нет. В Японском море я командовал ею лично. Кстати, команда тут небольшая, всего десять человек. Естественно, только офицеры с большим стажем подплава. Всем остальным управляют умные компьютерные системы. Кстати говоря, о методике подбора экипажа мы еще поговорим. А теперь – вопросы. Просто отвечаете – «да» или «нет». – Взгляд Столетова внезапно посуровел.

Макаров вытянулся:

– Так точно!

– Вам, товарищ капитан второго ранга, предлагается принять эту мини-подлодку под командование. О целях и задачах субмарины я вам вкратце рассказал. Так вот, в случае попытки захвата противником вы, как командир, обязаны немедленно уничтожить плавсредство вместе со всем экипажем. Вы согласны и с этим последним условием?

– Так точно!

– В случае, если кто-то из моряков... – вы, например, – чудом выживете и будете спасены третьей стороной, ни военно-морской флот, ни наше правительство не будет вас защищать. От вас вполне официально откажутся. Единственный правильный ответ на любой иностранный запрос – «таких людей в российском подплаве никогда не было и нет». Вы согласны?

– Так точно!

– На субмарине нет ни одной российской маркировки. В камбузе никогда не было и не будет ни одного российского продукта. Ни у кого из экипажа никогда при себе не будет никаких документов, подтверждающих государственную принадлежность. Все программное обеспечение компьютеров – исключительно на английском. Форма – обычные матросские рубы безо всяких знаков различия. Все это сделано для того, чтобы в случае катастрофы никто не смог сказать, кто вы и откуда. Тут нет даже Андреевского флага. В некоторых случаях вам придется действовать под флагами других флотов. Вы согласны?

– А как это, без Андреевского стяга? – немного растерялся подводник.

– Понимаю, – жестко улыбнулся Столетов. – Мне нравится этот вопрос. Ну ладно, Андреевский флаг можете повесить в боевой рубке... Но в случае форсмажора вам, к сожалению, придется немедленно его уничтожить... Вместе с судовым журналом, документацией и шифровальной аппаратурой. Согласны?

– Так точно!

– Далее. В случае вашей гибели никто из ваших родных и близких не получит правдивой информации: где, когда и при каких обстоятельствах вас застала смерть.

– У меня из родных – только друзья-подводники. Больше никого...

– Я знаю. Ваше личное дело изучил досконально.

Единственный сын Макарова, выпускник питерского Военно-морского института связи имени Попова, погиб на Черном море недалеко от Новороссийска. Ночью работал на морском кабелеукладчике при небольшом волнении, матросика смыло за борт, офицер бросился спасать – и с концами... Его мать, не выдержав потери, умерла в тот же год. И хотя тело сына так и не было обнаружено, его официально признали «погибшим при исполнении»...

– Кстати, ваш... покойный сын служил в ФАПСИ?

Ни один мускул не дрогнул на лица подводника.

– Закончил с красным дипломом, распределился в одну из структур этого ведомства.

– Вы читали заключение о его гибели?

– Так точно. Кроме него и жены... у меня больше не было близких людей. Жена искать меня не будет. Во всяком случае, в последние годы она не вспоминала о моем существовании.

– Значит, со всем вы согласны, – подытожил вице-адмирал. – Это хорошо. – Столетов быстро убрал улыбку с лица. – Ваш роман с медсестрой, надеюсь, будет забыт?

– Так точно.

– У вас есть вопросы?

– Так точно. Целых два.

– Попробую их угадать... Вас, наверное, интересует, как эта чудо-субмарина называется?

– Да, – проницательность собеседника удивила подводника, однако он ничем этого не выказал.

– «Макаров», – улыбнулся адмирал.

– В честь... адмирала Макарова?

– Но это имя не будет написано на ее борту.

Степан Осипович Макаров, погибший при Порт-Артуре на линкоре «Петропавловск» вместе с художником Верещагиным, для российского флота значил ничуть не меньше, чем Нельсон для англичан или Ямамото для японцев. Морской Волк никогда не афишировал, что знаменитый адмирал – его прапрадед; флотские династии теперь редки, как самородки, слизнул белую кость революционный восемнадцатый год.

– Спасибо, – коротко поблагодарил Морской Волк, явно не желая пафосного продолжения о «преемственности поколений» и «верности военно-морским традициям».

– Красивое имя – высокая честь... А ваш второй ваш вопрос угадывается еще проще, – любезно продолжил Столетов. – Почему из нескольких десятков кандидатур я выбрал именно вас, явно проблемного офицера?

– Так точно. Именно это я и хотел спросить.

– Не скрою, у меня действительно был большой выбор. И дело вовсе не в вашем героическом прапрадеде. Все кандидаты на командирство «Макаровым» – достойные, опытные подводники... Но вы мне понравились больше других. – Помолчав, адмирал наконец пояснил: – Красиво вы в госпитале того подшакальника отшили!.. На флоте не все делается исключительно по инструкциям, и вы это понимаете лучше других. А уж защищать свой экипаж – это святое. Сегодня Россия возвращает себе звание военно-морской державы. И теперь нам очень нужны такие, как вы. А теперь поговорим о подборе экипажа...

* * *

Вертолет с опознавательными знаками ВМС США неторопливо проплывал над Балтикой. Негромко рокотал двигатель, осеннее солнце дробилось во вращающихся лопастях. Пилот уверенно ворочал штурвалом. Под прозрачным носовым блистером прорисовывалась гряда небольших скалистых островков. Светло-бирюзовые пятна на воде обозначали отмели. Зыбкая дымка скругляла горизонт с изрезанной кромкой берега.

– Не лучшее место для военно-морских маневров, – оценил вице-адмирал Йорк, придирчиво рассматривая карту.

На Аланды он прибыл только вчера и еще не успел как следует изучить местные лоции. Однако обилие проливов, фиордов, отмелей и подводных скал внушало опытному моряку серьезные опасения.

– Я уже говорил с финскими гидрографами, сэр, – отозвался афроамериканец в форме командера ВМС США. – Они утверждают, что точных лоций Аландов никогда не было и быть не может. Течение меняется ежегодно, особенно в проливах. Там, где вчера была подводная яма, сегодня может быть отмель. И наоборот. Плюс приливы-отливы, подводные скалы и множество затонувших судов.

– Нашим судам в проливах делать нечего, – подтвердил кто-то из свитских. – Даже маломерным.

– Надеюсь, что подводникам других стран... окажись они тут, также нечего делать, – сам себя успокоил Йорк.

– Территориальные воды, государственная граница, международные нормы... военно-морские учения, в конце концов, – деликатно напомнил командер.

– Если субмарина не определяется ни сонарами, ни гидроакустикой, ни разведывательными спутниками – плевать им на госграницу и на учения, – поморщился адмирал.

Вертолет уже рокотал над длинным скалистым островком. Извилистый узкий пролив, отделяющий этот островок от столь же длинного острова, только с маяком на скале, сразу привлек внимание адмирала.

– Пролив достаточно глубокий, чтобы в него зашла небольшая субмарина, – пояснил афроамериканец, словно угадывая мысль собеседника.

– И какова же его глубина?

– Эхолот показывает где-то около семидесяти ярдов. Но есть места и поглубже.

– Подводные скалы?

– Одна, двадцать ярдов высотой, у северного входа в пролив – там, где маяк. Но опытный подводник сумеет грамотно сманеврировать.

Вертолетные винты уверенно рубили синеву балтийского неба. Впереди, среди белопарусных яхт и грязно-серых сейнеров, возвышалась серая громада ракетного фрегата «Саутгемптон». Флаг «Юнион Джек» за кормой свидетельствовал о его британской принадлежности. Учения «Земляничная поляна» изначально планировались как международные, и, кроме Великобритании, в них участвовали и американцы, и поляки, и немцы, и датчане, и норвежцы, и, естественно, хозяева – финны.

Посадка на вертолетную площадку прошла без проблем. Придерживая на ходу фуражку, вице-адмирал Йорк поспешил в гостевую каюту, где его уже ожидал Палмер.

– Рад видеть вас, адмирал. – Пентагоновский аналитик белозубо улыбнулся и, сделав приглашающий жест, сразу же перешел к делу: – Вы уже ознакомились с будущим местом учений?

– Впечатляет. Не рискнул бы идти тут без лоцмана. Тут надо родиться, чтобы все это изучить и прочувствовать.

– Шесть с половиной тысяч островов, из которых заселены лишь тридцать.

– Никогда не думал, что необитаемые острова, воспетые в пиратских романах, еще существуют, – Йорк опустил за стол.

– И это – на Балтике, одном из самых судоходных морей мира. Впрочем, необитаемые острова – это в основном скалы, где гнездятся дикие утки и вездесущие чайки. Даже старожилы, потомки викингов, не могут припомнить и сотни их названий, – Палмер деловито зашелестел картой.

– Я слышал, что Аландские острова еще в 1856 году объявлены демилитаризованной зоной, – заметил адмирал. – Местные даже не служат в финской армии.

– Что не исключает проведения международных морских маневров в прибрежной акватории, – успокоил аналитик и, достав маркер, очертил на карте овал к северо-западу от городка Мариенхамин, островной столицы. – Вот тут – основные квадраты учений.

Пролив между длинными скалистыми островами находился всего в нескольких десятках морских миль от места будущих маневров. И на карте, и с воздуха он выглядел идеальным местом для прохода мини-субмарины.

– Самая простая наука – это тактика, – продолжал Палмер, он уже окончательно завладел инициативой в беседе. – Надо поставить себя на место потенциального противника и представить, что он может предпринять. Исходя из этого и следует планировать свои будущие действия. Если бы я был командиром русской подводной лодки, я бы спрятался именно в этом проливе. Хотя здесь это не единственное удобное для засады место. Я насчитал по карте около десятка. Предстоит еще многое уточнить.

– Я тоже думаю, что выбор места, где следует ожидать предполагаемого появления субмарины, не окончателен. Вы уже уверены, что субмарина, которая провалила наши маневры в Японском море, российская?

– В Пентагоне считают, что да.

– Откуда такая убежденность? – Йорк недоверчиво склонил голову.

– Обработка открытых источников информации, радиоэлектронная разведка, агентура, расчет экономического потенциала, анализ технологий... – Палмер явно не хотел распространяться. – А уж если эта подлодка с совершенно фантастическими характеристиками проявится

тут, на Балтике – все сомнения, если таковые и есть, отпадут сами собой. Балтика – сфера интересов многих государств, в том числе и России.

– Все это догадки. Нам предстоит добыть доказательства.

Адмирал достал трубку, подумал, отдраил иллюминатор и вопросительно взглянул на собеседника. Палмер поморщился, но возражать не стал. Однако Йорк неожиданно передумал закуривать: беседа была слишком важна, и опытный моряк не хотел вводить собеседника в дискомфортное состояние.

– Легенда «Земляничной поляны» проста, – официальным тоном продолжал аналитик. – Некие международные террористы захватывают сухогруз с радиоактивными отходами, грозясь отравить всю Балтику. Судно блокируется в районе Аландов. С террористами вступают в затяжные переговоры. Тем временем военно-морские силы Североатлантического альянса организуют эвакуацию населения. После чего спецназ ликвидирует террористов. Место проведения «Земляничной поляны» уже утверждено в Хельсинки и в Брюсселе. Все заинтересованные стороны извещены. Квадрат временно закрыт для международного судоходства. На учениях ожидаются военные наблюдатели из Латвии, России, Швеции и Эстонии.

– И это все? – В голосе Йорка прозвучала скрытая ирония. – Я имею в виду легенду.

– Конечно же, нет.

– Я знаю, что в учениях будет задействовано судно радиоэлектронной разведки, – как бы невзначай бросил адмирал. – Кажется, «Пасифик Интерпрайз». Насколько мне известно, корабля с таким названием в ВМС США никогда не было и нет, существует другой – «Гломар Эксплоэр» – с заявленными характеристиками. Но последний поставлен на ремонт в Нарвике. Значит, официальная легенда учений – это лишь часть задачи? И задачи поставлены не только перед военными моряками альянса?

Палмер не стал скрывать очевидного, ему было приятно удивлять адмирала, он просто упивался, но не показывал этого. Как истинный представитель спецслужбы, старался скрывать эмоции.

– АНБ тоже интересуется этот район. – Голос аналитика Пентагона был тих и ровен, как полет совы.

Агентство национальной безопасности, в отличие от ЦРУ, никогда не занималось спецоперациями, не отправляло своих людей в горячие точки, и разработка силовых акций также не входила в его компетенцию. Однако по своим возможностям эта спецслужба с головным офисом в Форт-Миде ничем не уступала другим, а во многом и превосходила. Многие громкие дела последних десятилетий прошли не без участия агентства, но никто, кроме самих исполнителей, не мог с точностью сказать, чем именно отметились в них таинственное АНБ. В эпоху высоких технологий радиоперехват, криптография, психолингвистическое кодирование и радиоэлектронная разведка дорогого стоят. Программа «Эшелон», разработанная АНБ, позволяла осуществлять информационный мониторинг в глобальном масштабе. Система контроля подразумевала синхронную работу более сотни космических спутников и тысячи станций слежения, расположенных по всему миру, а потому могла перехватывать любые разговоры по любым телефонам, а также факсы, радиосигналы, электроимпульсы и контролировать девять десятых мирового интернет-трафика. Эта система напоминала огромное сито, которым можно зачерпнуть пустыню, а потом просеять весь песок, с тем чтобы поймать скрывшегося среди барханов льва. Вице-адмирал Йорк, как никто другой, понимал: у русских на Балтике есть немало объектов, которые не могли не заинтересовать АНБ, – от командных пунктов и узлов правительственной связи до станций слежения за атомными субмаринами. То, что Прибалтика теперь уже входила в блок НАТО, только подогревало интерес. Ведь многие объекты, утраченные с потерей Литвы, Латвии и Эстонии, русским пришлось продублировать, и они, отстроенные заново по последнему слову техники, пока еще оставались для Запада загадкой...

– Значит, корабль радиоэлектронной разведки, – повторил адмирал. – Значит, Агентство национальной безопасности. Почему меня сразу не поставили в известность? Не самый лучший способ быть в курсе событий – узнавать обо всем в последний момент.

– А разве это что-то меняет? Официальная легенда учений утверждена, все заинтересованные стороны извещены. Что-то не так? Теперь мы должны сыграть с вами партию в одну руку, как говорят картежники.

– Не лучшее сравнение. Большинство профессиональных картежников – шулеры. Мне, как координатору, придется учитывать не только интересы моряков, но и... АНБ.

– Вы, сэр, занимаетесь своими непосредственными обязанностями, я – своими, радиоэлектронная разведка АНБ – своими...

– Почему бы тогда не развернуть передвижной пункт наблюдения где-нибудь на островах? – не сдавался Йорк: он понимал, что присутствие «Пасифик Интерпрайз» наверняка внесет свои коррективы.

– Ну, им в Форт-Миде видней, – отмахнулся Палмер. – Согласен: с одной стороны, наземный пункт слежения куда эффективней. Но с другой – у него нет мобильности, как у морского судна, а это значит, что нашим оппонентам будет сложнее противостоять...

Йорк расслабился в кресле и задумчиво вперился в иллюминатор: за длинным отблеском серой воды пролетала стая диких уток, которых на Аландах всегда было великое множество. Энергичный ум, быстрый и цепкий, взвешивал детали. Если требовалось, адмирал умел одновременно просчитывать несколько задач сразу. Теперь ситуация представлялась ему в совершенно ином свете. По всему выходило, что маневры «Земляничная поляна» задуманы не столько как антитеррористические учения, сколько как операция по обнаружению загадочной субмарины. Хотя не исключено, что АНБ преследовало и иные цели... Вне сомнения – эти учения тоже были своего рода манком.

– Хвост пытается крутить собакой? – усмехнулся адмирал.

– Если вы считаете АНБ хвостом, а флот собакой, то еще неизвестно, в чью пользу ваше сравнение.

– Я о последовательности принятия решений. Собака в любом случае будет исполнителем. Судно радиоэлектронной разведки «Пасифик Интерпрайз» – не более чем подсадная утка? – Йорк вспомнил последний разговор с аналитиком на борту «Китти хоук».

– Абсолютно правильно, – Палмер вел свою линию с прагматичностью канавокопателя. – Мы обязательно засветим этот корабль перед международными наблюдателями. И перед русскими в том числе. Во время маневров будет задействовано и «Гломар Эксплоэр», но оно будет молчать до поры до времени, а вот его фальшивый двойник продемонстрирует невиданную активность в эфире. А потому целью загадочной субмарины наверняка станет «Пасифик Интерпрайз». Его оборудование далеко от совершенства, многое не доведено до ума, но создать видимость работы оно сможет. Даже экипаж не будет знать, что выполняет пустую работу.

– То есть, пока внимание русских будет направлено на «Пасифик Интерпрайз»...

– Вот именно. Когда же мы обнаружим субмарину и принудим ее к всплытию, на Аландах проявится еще одно судно радиоэлектронной разведки, о котором никому ничего известно не будет. И помешать ему уже будет некому. Впрочем, оно уже тут, – закончил Палмер.

– А как же тот парень, специалист по системам русской связи? – напомнил Йорк. – Вы его так и собираетесь прятать? Даже от меня? Я должен знать тех, с кем придется делать одно дело.

– Он уже здесь, на Аландах. Я обязательно представлю вас друг другу, всему свое время, – на лице Палмера заиграла надменная улыбка технократа. – А теперь поговорим о координации действий судов стран-участниц. Нужно сделать так, чтобы они не мешали выполнению главной задачи...

Глава 3

Вечер на балтийском побережье выдался тихим и спокойным, что поздним летом случается нечасто. Безоблачная высь переливалась золотыми гроздьями созвездий. По зыбкой поверхности моря разливался, вспыхивал таинственными блестками призрачный лунный свет. Катились волны, гладкие, словно отполированные, вспыхивая мгновенным блеском и потухая.

Двое мужчин в штатском, неторопливо прогуливавшихся по ночному берегу, напоминали скорее гражданских курортников, запоздавших в дом отдыха к ужину, чем офицеров российского ВМФ.

– Ну что, Илья Георгиевич, – промолвил вице-адмирал Столетов, присаживаясь на камень у самой кромки воды, – завтра в море. Первое боевое задание. Волнуетесь? Даже не знаю, поздравлять вас или сочувствовать. Вы взялись за очень важное, ответственное дело, но оно и чрезвычайно опасное.

– За последние двадцать лет я был в море дольше, чем на берегу, – заметил Макаров.

Вот уже третий месяц он служил на Балтике. Мини-субмарина «Макаров» четырежды выходила в море под его командованием для обкатки, доводки и координации действий команды – от борьбы за живучесть до отработки противоторпедных зигзагов. Десять членов экипажа – это немного, каждого можно узнать, почувствовать, чем дышит человек. Учения убедили командира в правильности подбора экипажа вице-адмиралом Столетовым: подводники грамотные, со стажем службы едва ли не на всех сериях существующих во флоте субмарин. Макаров внимательно изучил личные дела экипажа. За плечами этих офицеров были и многомесячные автономки, и пожары в отсеках, и потеки контуров в реакторах... Как и у Морского Волка, ни у кого из этих людей не было близких родных: в экипаж подбирались или бывшие детдомовцы, или холостяки, похоронившие родителей. В этом вопросе Столетов был последователен и строг. Наверняка учитывал историю «Курска», когда родственники погибших подняли справедливый шум, с охотой подхваченный международной прессой. Уж лучше с самого начала пресечь подобный поворот событий.

Командир влюбился в новую субмарину сразу и безоглядно. Маневренная, легкая, скоростная, она скорее напоминала какого-нибудь океанского хищника, чем творение человеческих рук. Конечно, до разрушительных возможностей атомного «бомбовоза» ей было далеко. Но ее создатели и не собирались сотворить подводного терминатора, способного испепелять города с миллионным населением. Секретная мини-подлодка была способна на такие вещи, которые командирам ракетносцев и не снились: незаметное проникновение в чужие территориальные воды, проход по рекам и даже прослушка совсекретных узлов связи вероятного противника. В современной морской войне ни один корабль не подпустит чужую субмарину ближе, чем на тридцать-сорок морских миль. Водоизмещение, количество ядерных боеголовок и мегатонные эквиваленты Хиросимы не всегда являются решающими аргументами в борьбе за влияние на море.

Если атомную подлодку можно уподобить рыцарскому двуручному мечу, то мини-субмарина – это тонкий изящный стилет. Но кто сказал, что в поединке надо лишь размахивать тяжелым полутораметровым клинком? В конце концов, в борьбе за выживание человечество выиграло не столько благодаря силе мышц и тяжелому вооружению, сколько благодаря хитрости и ловкости, которыми не обладали конкуренты, ушедшие с арены мировой истории.

Сквозь грифельную штриховку полупрозрачных голых ветвей серебрился огромный ангар с сухим доком. Из окон второго яруса пробивался неяркий свет: инженеры, имеющие особый допуск, в последний раз проверяли узлы и механизмы «Макарова». Огромный топливозаправщик неторопливо подъехал к воротам и исчез в чреве серебристого строения.

– Силовая установка для подзарядки аккумуляторных батарей у вас сверхэкономичная, абсолютно бесшумная – каталитическая, ни одной подвижной детали... Но всплывать для подзарядки батарей все-таки следует ночью и только в пасмурную погоду, – напомнил адмирал Столетов.

– Знаю. Случайные самолеты и вертолеты, торговые и рыболовные суда, – кивнул Макаров, уже привыкший, что действовать ему придется не просто скрытно, а практически нелегально.

Недаром вице-адмирал называл «Адмирала Макарова» каперским кораблем.

– Спутниковый мониторинг куда опасней, – серьезно добавил Столетов. – Практически вся акватория Балтики... и не только, денно и ночно изучается из космоса. И не одними нами. Снимки с американских гражданских спутников ежечасно вывешиваются в Интернете, и любой желающий может, как говорится, приблизить изображение, взглянуть и убедиться. И даже за относительно небольшую плату заказать подробную фотографию любого квадрата практически любой точки земли. Запомните, что большинство открытий мелких астрономических объектов совершено любителями разглядывать ночное небо в телескоп в свободное от основной работы время. Профессионалы могут не заметить вас, но армия любителей сенсаций, искатели инопланетных объектов наверняка обнаружат невиданный до этого корабль, всплывший из глубин.

– А аварийное всплытие? – прикинул командир субмарины. – Или какой-нибудь форсмажор? Этого нельзя исключать. Как ни надежна субмарина, ее делали люди.

– В автономке бывает всякое, – согласился собеседник. – Сам не раз ходил. Однако постарайтесь держаться в светлое время суток под водой до последнего. А если что случится, опыта у вас хватает. Надеюсь, сумеете принять правильное решение. На то и командир на корабле. Кстати, все время забываю спросить: со старпомом нашли общий язык?

– Понемногу находим, – ушел от прямого ответа Илья Георгиевич. – Время покажет.

Старший помощник, кап-три Николай Даргель не понравился ему с первого взгляда, хотя и придаться вроде бы было не к чему. Неулыбчивый, постоянно застегнутый на все пуговицы, он распространял вокруг себя флюиды напряженности и уныния. Да и слишком уж педантичными были его требования, слишком уж придирчиво он следил за выполнением уставов и инструкций. В подплаве, а уж тем более в реальном боевом походе подобное не всегда шло на пользу. Терялись драгоценные минуты и секунды. А форсмажор такое дело, что проблемы при нем стремительно усугубляются, если вовремя не принять меры.

– Мне все-таки кажется, что вы с ним сработаетесь, – продолжил адмирал, поднял из-под ног камушек и по-мальчишески бросил его в море – камушек с коротким чмоком поскакал по водной глади, как по тонкому льду.

Илья Георгиевич даже засмотрелся.

– Командирского опыта у меня достаточно, – с явным подтекстом ответил Макаров – мол, если что, придется и власть употребить.

– А значит, вы, как опытный командир подплава, никогда не допустите конфликтов, – едва заметно улыбнулся адмирал. – Это не пожелание, а констатация факта. Поэтому и остановил свой выбор на вас.

– Не допускать конфликтов – не только командирская обязанность, – молвил Морской Волк упрямо.

Уже прощаясь, Столетов наконец-то произнес то, ради чего, вообще-то, и прогуливался с Макаровым по побережью. Правильно утверждают психологи, что запоминается первая и последняя фраза. А вице-адмирал владел искусством доносить мысли до собеседника. Он как бы между прочим заметил:

– Ваше боевое задание не совсем обычное и очень, очень сложное. В подплаве невозможно предусмотреть абсолютно все. Могут возникнуть и внештатные ситуации. Но я верю в вас. Если вам потребуется экстренная помощь... – адмирал запнулся на полуслове.

– Помощь совсекретной подлодке, которой даже всплывать для подзарядки аккумуляторов можно только ночью или в пасмурную погоду? – искренне удивился Морской Волк.

– ...не удивляйтесь, если эта помощь придет с совершенно неожиданной стороны, – как ни в чем не бывало закончил Столетов, – и даже если вы о ней не будете просить.

Макаров так и не разобрал, к чему сказана эта фраза, но, по понятным причинам, уточнять не стал, однако запомнил ее накрепко. Адмирал не мог бросить ее походя...

...Дрогнула дробно и замерла шеренга на пирсе, отсыревший за ночь Андреевский стяг зашевелился складками и пополз по флагштоку кверху, и латунный горн возвестил выход в море. Обычных для подобных случаев торжеств не предусматривалось: не было ни прочувственных слов с трибуны, ни транспарантов, ни духовых оркестров с «Прощанием славянки»... Да и раннее пасмурное утро, выбранное для выхода в море, явно не способствовало праздничному ощущению.

Выход «Макарова» в море выглядел до обидного буднично: экипаж молча загрузился в субмарину, и она неторопливо отошла от пирса, прикрытого гигантской маскировочной сеткой. Водяной валик медленно поднялся и взгорбился перед носом, развалился на две волны, плавными морщинами убегающие по сторонам. Субмарина шла практически бесшумно. Морской Волк, застывший в верхнем люке боевой рубки, выцелил взглядом Андреевский стяг на флагштоке причала и коротко отдал ему честь.

Люк задраили. «Макаров» быстро погружался. Спустя несколько секунд перископ и поднятые антенны еще резали водную гладь, разгоняя от себя тонкие струйки воды, однако вскоре исчезли и они, и лишь легкая взвесь по ходу субмарины указывала направление ее движения.

* * *

Небольшой катерок с флагом Североатлантического блока неторопливо шел вдоль острова, оставляя за кормой длинную пенную ленту. Слитный густой звук двигателя отражался от скал, распадаясь на прерывистый рокот, напоминающий стук пулемета.

Впереди, в зыбкой ясности рассвета, прорисовывались контуры Марианхамина, все еще подсвеченного фонарями, хотя их свет был уже абсолютно бесполезен. С гортанными криками носились чайки, и на воде мелькали их дрожащие тени. Слабый зюйд-вест шевелил кронами невысоких извилистых сосен на скалистых островных вершинах. Легкий катер то и дело вилял из стороны в сторону: тут, в проливах, течение давало себя чувствовать.

Обогнув оконечность острова, катерок выскочил в открытое море и, приподнявшись на подводных крыльях, увеличил ход. Вода теперь фонтаном бурлила за коротко срезанной кормой. На горизонте, среди изящных белопарусных яхт и угловатых сейнеров, возвышалась посуда несколько странной для здешних широт архитектуры. Множество загадочного свойства антенн, а также шаровая окраска «железа» наводили на естественную мысль, что это военный корабль. Однако никакого вооружения там не наблюдалось. При рассмотрении в бинокль становилось очевидно, что это – корабль радиоэлектронной разведки. «Пасифик Интерпрайз» – читалась по борту свежая надпись. За кормой гордо трепетал звездно-полосатый флаг. На палубе не наблюдалось никакого движения, будто корабль поставили на якорь и забыли о нем.

– Для подсадной утки эти квадраты – не самое лучшее место, – пентагоновский аналитик Палмер мельком взглянул на карту в прозрачной пластиковой планшете, покрытой мелкими водяными брызгами, и протер ее рукавом куртки.

– Слишком близко к месту будущих учений? – вежливо осведомился вице-адмирал Йорк.

– Слишком далеко.

– Демонстрировать корабли радиоэлектронной разведки на международных учениях не принято, – адмирал пыхнул трубкой, и ключья серого дыма полетели за корму. – Таковы общепринятые военно-морские правила.

– Правила для того и существуют, чтобы их иногда нарушать, – спрятав карту, Палмер деловито продолжил: – А кроме того, необходимо организовать грамотную утечку информации. Точнее – дезинформации. «Пасифик Интерпрайз» наверняка заинтересует не только союзных моряков.

– Об активности в эфире во время маневров мы уже говорили, – напомнил адмирал. – Думаете, этого будет недостаточно?

– Это произойдет слишком поздно. Мы не имеем права дать русским ошибиться. Они должны действовать наверняка. Для сознательной демаскировки этого явно недостаточно.

– Предлагаете организовать увольнения на берег? – прикинул Йорк, прокручивая в голове возможные последствия такого решения, и они ему не понравились.

– Вот именно. На Аландах всегда много туристов. В том числе попадают и русские. Я уверен, что наши «друзья» уже заслали сюда своих неофициальных наблюдателей.

– Вот вы этим и занимаетесь, – придерживая пилотку, моряк переместился на нос катерка; меньше всего ему хотелось отвечать и за спецоперации деятелей из Форт-Мида. – Вы же сами сказали: у флота – свои задачи, у АНБ – свои. И эти задачи не пересекаются ни прямо, ни косвенно. Тем более что разведывательные корабли Агентства национальной безопасности нам не подчиняются. Свои проблемы решайте сами, но ставьте меня в известность. Иначе дезинформация захлестнет и моих людей.

Тем временем катерок, развернувшись, взял курс на норд-ост. Йорк цепким моряцким взглядом выцелил старый маяк на вершине скалы. Именно этот маяк он и видел наметки с вертолета. Узкий пролив между двумя островками и был, по мнению Палмера, тем самым местом, где могла спрятаться загадочная мини-субмарина. Ему хотелось верить, что именно там и решат укрыть свою подлодку русские. Если, конечно, в АНБ не ошиблись и она в самом деле существует.

– На островах уже установлены гидролокаторы, – пояснил аналитик, предупредительно протянув адмиралу бинокль. – Один на маяке, другой замаскирован под гостевое строение туристской базы. Во-он, видите? Зеленый домик на скале. Но это не главное.

– А что главное?

– Через несколько десятков кабельтовых – бухта. Увидите сами, – молвил Палмер с нарочитыми интонациями ребенка, который хочет сделать приятный сюрприз родителям.

Сюрприз выглядел малопривлекательно. Небольшое серое судно в ржавых потеках было, судя по контуру надстроек, плавучей мастерской. Подобных судов на Балтике сотни, выглядят они вполне заурядно и ничьего внимания, как правило, не привлекают. Экипажа на палубе не наблюдалось. Правда, паутины антенных проводов и мощная гидролокационная «вертушка» выглядели на судне такого типа несколько необычно, однако человек, не сведущий в радиолокационном шпионаже, наверняка бы не обратил внимания на эти детали.

– Это и есть основное судно радиоэлектронной разведки? – догадался адмирал.

– Да. Судовая архитектура временно изменена, равно как и окраска, прежнее название «Гломар Эксплоэр»... и все остальное. Главное его оружие – мощнейший радиолокационный телескоп. Он сейчас в трюме, его не обнаружить даже посредством спутникового мониторинга. Но при необходимости может быть выдвинут на палубу. Позволяет практически мгновенно связаться со всеми космическими спутниками НАСА и АНБ, находящимися в этой зоне, а также надежно фильтровать абсолютно весь эфир от Калининграда и до Санкт-Петербурга включительно, а при спутниковой поддержке, выборочно, и до самой Москвы.

– Что именно?

– Что угодно. Проводная и мобильная телефония, правительственная связь, Интернет...

– Включая переговоры наших новых прибалтийских членов?

– АНБ ни для кого не делает исключения, – бесстрастно напомнил аналитик. – Друзья до тех пор друзья, пока знаешь, что у них на уме.

Подобное рассуждение не слишком понравилось адмиралу Йорку, все же он, военный моряк, привык быть предельно откровенным. Методы мистера Палмера иногда ставили его в тупик.

Желтый диск солнца постепенно поднимался над островами, золотя стволы строевых сосен и окрашивая в нежно-розовое нагромождения скал. Адмирал Йорк неожиданно поймал себя на мысли, что настроение у него, как на пикнике: солнце, ласковый ветерок и аквамарины вокруг. Катер на подводных крыльях пронесся вдаль, стоя на ленте летящей пены. Рыбацкий сейнер мирно тащил за собой сети. Из-за скалистого берега вышло небольшое рыбацкое судно, кренясь под треугольным парусом и шлепая днищем по волне. Несколько яхт с разноцветными парусами, умело галсируя против ветра, вышли наперерез катерку с флагом НАТО и пошли встречным курсом. Все это отвлекало от дел, усиливая ощущения курортной расслабухи. Сами собой в голове всплывали слова «шезлонг», «пиво», «пляж», «рыбалка». Йорку стоило немалых усилий продолжить беседу о будущих учениях «Земляничная поляна».

– Если субмарина русских все-таки проявит себя... – адмирал внимательно изучал фальшивую плавмастерскую, – какие у меня полномочия принудить ее к всплытию?

– Любые, – спокойно произнес Палмер.

– То есть...

– Противолодочные сети, глубинные бомбы... – Палмер выглядел невозмутимым. – Не мне вам объяснять, мистер Йорк, что по Морскому кодексу любой подводный объект, будь то субмарина или батискаф, попавший в территориальные воды иностранного государства, обязан немедленно всплыть и известить о своем присутствии флотские или береговые службы того самого государства, в водах которого он находится. В противном случае по всем международным нормам такая подлодка будет рассматриваться как пиратское судно и подлежит немедленному уничтожению.

Информация была явно излишней: адмирал Йорк и сам это прекрасно знал. Опытный моряк хорошо помнил шумевшую историю, когда лет двадцать назад советская дизельная субмарина случайно оказалась в территориальных водах Швеции из-за поломки навигационного оборудования и двигателя. Первое, что сделал командир этой подлодки, – немедленно скомандовал всплытие, вывесил за кормой флаг ВМФ СССР и срочно известил о своем присутствии местную береговую охрану. Ситуация была исчерпана. Москва извинилась перед Стокгольмом, и русские адмиралы наверняка тихо радовались, что эта история не закончилась боевым глубинным бомбометанием; инцидент мог обернуться «казус белли», то есть формальным поводом для войны, где СССР выступал бы агрессором...

Однако в теперешнем предполагаемом случае существовал один немаловажный нюанс: воды, в которых проходили учения, принадлежали Финляндии, а она членом альянса никогда не была.

– С финнами у вас существует об этом договоренность? – холодно поинтересовался Йорк.

На лице аналитика нарисовалось легкое недопонимание: мол, принимать всерьез Финляндию? Главное – заставить подлодку всплыть, а уж потом как-нибудь можно договориться. Однако Йорк рассуждал иначе. Для него не был важен размер страны, он старался придерживаться норм международного права.

– Вы поняли мой вопрос, мистер Палмер?

– Я постараюсь уладить и это. Каналы для переговоров существуют. Я не собираюсь подставлять вас и ваших людей.

– Хорошо, – Йорк аккуратно выбил пепел из трубки. – Если мы принудим эту мини-субмарину к всплытию и докажем, что она русская... Что тогда?

– Во-первых, под предлогом, что она угрожала безопасности наших кораблей, мы имеем право арестовать экипаж. Взамен его освобождения мы можем потребовать каких-нибудь серьезных уступок во внешней политике России. Во-вторых – на законных основаниях конфисковать подлодку, чтобы тщательно изучить все ее секреты. Ну и не забывайте о геополитической составляющей... Русская субмарина, обнаруженная в территориальных водах другого государства, – веский повод для расширения НАТО на восток. Международное общественное мнение всегда против шпионов, все симпатии окажутся на нашей стороне. Финнам ничего не останется, как только согласиться с нашими выводами и поблагодарить за помощь при задержании нарушителя государственной границы.

– Слишком легко у вас все выходит на словах, мистер Палмер, – адмирал не разделял оптимизма.

– Это реальный расчет. Русские делают ставку на особый режим секретности вокруг своего нового оружия электронного подавления. Но если в прошлый раз эффект внезапности сработал в их интересах, то теперь мы готовы встретить их во всеоружии.

– Мы даже не уверены, что эта подлодка существует, – осторожно заметил адмирал Йорк, – и не знаем, русская ли она.

Описав широкую дугу, катерок понесся к «Пасифик Интерпрайз».

– Наши ребята, конечно, жаждут оказаться на берегу, – улыбнулся Палмер несколько высокомерно. – Вино, кабаки, женщины... русские осведомители, которые наверняка возжелают пообщаться с нашими моряками...

* * *

Учения «Земляничная поляна» собрали на рейде Марианхамы едва ли не все флаги Североатлантического альянса. Голландский ракетный катер лепился к норвежскому плавающему госпиталю, как ягненок к динозавру. Одиноким польский эсминец, щеголяя свежей краской, стоял чуть поодаль на бочках, и матрос, сидевший верхом на лапе якоря, докрашивал его острие в белый цвет. На немецком корвете музыканты играли военные марши. В прозрачном сиянии осеннего дня далеко разливались звуки духового оркестра. Британский фрегат «Саутгемптон», назначенный флагманом сборного флота, возвышался над кораблями союзников, как всадник над сворой борзых. В ясный и ветреный октябрьский день он светился, играя бликами и треща флажками. В воздухе пахло больше праздником и парадом, чем военно-морскими учениями. Не хватало только французов, принципиально игнорировавших все, к организации чего имели отношение Соединенные Штаты.

Моряки стран Североатлантического альянса с некоторым удивлением следили за перемещением корабля глубинной радиоэлектронной разведки под американским флагом. Демонстрировать подобные корабли во время маневров не принято, и уж тем более если учения задекларированы как антитеррористические и спасательные. Не надо было быть матерым контрразведчиком, чтобы понять: «Пасифик Интерпрайз» появился на Аландах неспроста.

Впрочем, у натовских моряков не было времени задаваться подобными вопросами: до начала учений оставалось несколько дней, и часть экипажей наконец отпустили на берег.

К вечеру все рестораники, кафе и пивные оккупировала разноязычная военно-морская публика. Моряки, истосковавшиеся в тесноте кубриков, кают и отсеков, энергично наверстывали упущенное. Говорят, что женщины любят военных, и это правда. Женщины определенного поведения от них без ума, особенно предпочитаемая военных моряков. И дело тут не только в монументальных «парадках». Просто мужчина, знающий, что завтра, послезавтра и в течение ближайшего месяца он не только не дотронется до живой женщины, но даже не увидит ее, не станет скупиться на угощение и наличные. Языковой барьер не играет решающей роли. При желании всегда можно объясниться при помощи жестов. Богатый выбор спиртного и женщин

сулил насыщенную программу. Вино, платная, но недорогая любовь и хорошая драка на берегу – что еще надо матросу для счастья? Будет потом о чем вспомнить и поговорить во время трансатлантического перехода...

...Ночной клуб «Викинг» почти ничем не отличался от десятков других увеселительных заведений островной столицы, предлагая посетителям обычную гамму развлечений: ненавязчиво звучащий оркестр с танцевальной музыкой, бар с напитками и барную стойку с девицами всех цветов кожи, специально съехавшимися в преддверии учений «Земляничная поляна». Рыболовные сети и чучела морских рыб, развешанные по стенам, создавали ощущение кинематографических декораций. Бармен, одетый средневековым норманном, с необыкновенной ловкостью сбивал коктейли, покачивая увенчанным рогами шлемом из папье-маше. Многие танцевали, и никто не обратил внимания на невысокого мужчину в форме офицера ВМС США, зашедшего в ночной клуб незадолго до полуночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.